

УДК 93/94

IGOR L'VOVICH TIKHONOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archaeology,
Institute of History, Saint Petersburg State University,
Head of Museum of History of the Saint Petersburg State University.
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Universitetskaya emb., 7/9.
E-mail: I.Tikhonov@spbu.ru*

Student corporations of the St. Petersburg University in the description of Count A.A. Bobrinsky

Publication with comments and introductory article of the manuscript of Count Alexei Bobrinsky (1852–1927) «Students of the 1840s to students of the 1870s» was created in 1870, after admission to the St. Petersburg University. The published source describes the rules and customs (rituals of initiation, student revels, and duels) adopted in the student corporation «Ruthenia», which existed at the St. Petersburg University in the 1830–1840s. The corporation consisted mainly of students of aristocratic origin who studied at the Faculty of Law. The main source for the author was the memoirs and stories of his father – Alexander Bobrinsky (1823–1903), who graduated the Faculty of Law of St. Petersburg University in 1845.

Keywords: *Count A.A. Bobrinsky, manuscript, student corporation, Ruthenia, St. Petersburg University, kneips, kommers, duel, student songs.*

ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ ТИХОНОВ

*Доктор исторических наук, профессор кафедры археологии,
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского государственного университета,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
Тел.: 328-96-83, e-mail: I.Tikhonov@spbu.ru*

Публикация с комментариями и вступительной статьей рукописи графа Алексея Александровича Бобринского (1852–1927) «Студенты 40-х годов студентам 70-х годов», созданной в 1870 г., после поступления в Санкт-Петербургский университет. В публикуемом источнике описываются правила и обычаи (обряды инициации, студенческие пирушки, дуэли), принятые в студенческой корпорации «Рутения», существовавшей в Санкт-Петербургском университете в 1830–1840-е гг. В корпорацию входили, в основном студенты аристократического происхождения, учившиеся на юридическом факультете. Основным источником для автора послужили воспоминания и рассказы его отца — Александра Алексеевича Бобринского (1823–1903), окончившего в 1845 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

Ключевые слова: *граф А.А. Бобринский, рукопись, студенческая корпорация, Рутения, Санкт-Петербургский университет, кнейпы, коммерши, дуэли, студенческие песни.*

Студенческие корпорации Санкт-Петербургского университета в описании графа А.А. Бобринского*

В Российском государственном архиве древних актов в фонде Бобринских (ф. 1412) сохранилась рукопись графа Алексея Александровича Бобринского (1852–1927) (Рис. 1), озаглавленная «Студенты 40-х годов студентам 70-х годов». Ее обнаружил московский археолог и крупный специалист по истории отечественной археологии доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории и методики Института археологии РАН Александр Сергеевич Смирнов (1949–2015) [о нем см.: 1]. Рукопись датируется началом 1870-х гг., т. е. тем временем, когда Алексей Бобринский вместе с братом Владимиром (1853–1877) учился на

юридическом факультете Санкт-Петербургского университета.

С юношеских лет для Алексея Бобринского было характерным стремление к литературному и художественному творчеству. Вместе с братьями он издавал многочисленные домашние журналы и газеты. В архивах Санкт-Петербурга и Москвы сохранилось немало его различных записей, представляющих собой тексты и наброски стихов, очерков, заметок, рассказов и сказок. Многие из них предназначались для собственных детей и имели нравоучительный характер. Например, в заметках, озаглавленных «Из дневника наемного лакея» с сарказмом описывались

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00528.

Рис. 1. Граф Алексей
Александрович Бобринской.
Фото 1880-х гг.

Рис. 2. Граф Александр
Алексеевич Бобринской.
Портрет работы
Ф. Крюгера. 1850 г.

чванливое поведение гостей на великосветском приеме и проказы «графинят» [2].

Одно из его литературных произведений – пьеса «Филарет Никитич», написанная к 300-летию дома Романовых, была опубликована отдельным изданием [3]. Критика отнеслась к этому произведению, вышедшему в свет под псевдонимом «Гр. А.А. Самойлов», весьма сурово, отмечая погрешности стиля и не соответствие историческому духу эпохи. Настоящим литературным талантом, граф, увы, не обладал. Тем не менее, по субботам в родовом дворце Бобринских на Галерной улице в Петербурге устраивались заседания, созданного им, литературного кружка «Галерное собрание». На одном из таких собраний Алексей Бобринской и выступил со своим рефератом, посвященным жизни студентов Петербургского университета 1840-х гг. Слушателями были участники кружка – сотоварищи по университету, представители петербургской золотой молодежи. Среди однокашников графов Бобринских было немало титулованной аристократии [4, с. 74].

Не вызывает сомнений, что основным источником сведений по теме этого реферата могли быть

Рис. 3. Граф Владимир Алексеевич Бобринской.
Фото в студенческой форме. 1845 (Г)

воспоминания и рассказы отца Алексея – Александра Алексеевича Бобринского (1823–1903) (Рис. 2.), который вместе со своим братом Владимиром (1824–1898) (Рис. 3.) также учился на юридическом факультете Петербургского университета. Оба они в 1845 г. окончили его со степенью кандидата. Владимир Алексеевич впоследствии был крупным чиновником, в 1869–1871 гг. – министром путей сообщения. Александр Алексеевич после окончания университета начал служить в петербургском губернском правлении, затем в министерстве внутренних дел чиновником по особым поручениям и вице-директором хозяйственного департамента. В 1861 г. он был назначен петербургским гражданским губернатором, в 1869–1872 гг. являлся губернским предводителем столичного дворянства, и с 1896 г. членом Государственного совета. Занимался генеалогией, издал ценный справочник о дворянских родах, внесенных в Общий гербовник Российской империи. Им же был опубликован сборник «Студенческие песни для хора», включивший в себя ноты и тексты тридцати семи песен, популярных среди петербургских студентов во второй четверти XIX в. [5] (Рис. 4.). Все цитируемые Алексеем Бобринским в своем тексте песни, представлены в этом сборнике.

Явно, Алексей и Владимир Бобринские слышали от отца и дяди рассказы о нравах, царивших среди «золотой» студенческой молодежи в их университетские годы. Александр Бобринской в то время

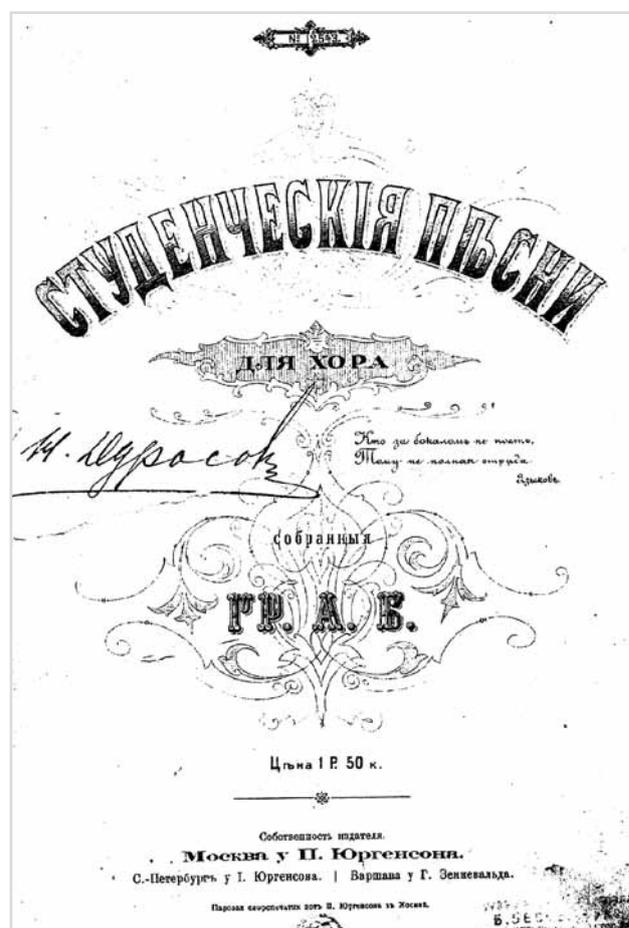

Рис. 4. Студенческие песни для хора,
собранные А.А. Бобринским

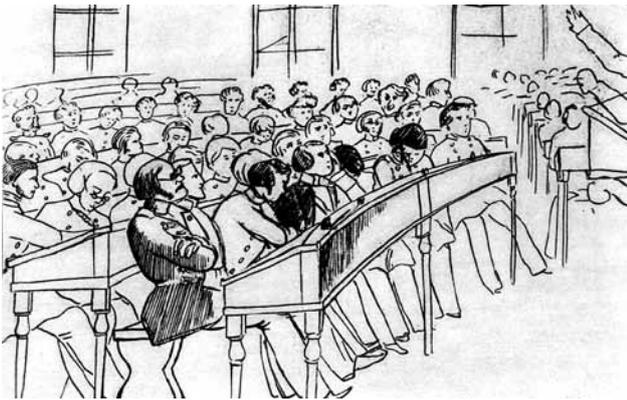

Рис. 5. В аудитории. Из альбома А.А.Бобринского. 1840-е гг.

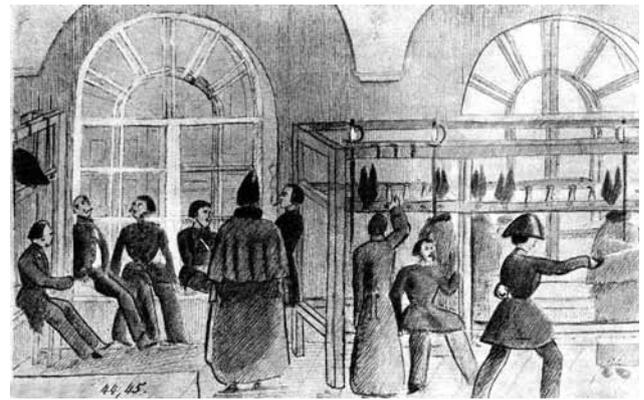

Рис. 6. Шинельная. Из альбома А.А.Бобринского. 1840-е гг.

даже имел рисовальный альбом, в который заносил различные зарисовки из студенческой жизни (Рис. 5, 6). Вот используя все эти сведения, Алексей Бобринской и составил свой реферат. В дальнейшем, несмотря на то, что университет окончить ему не удалось из-за болезни, он всегда считал себя «старым студентом», регулярно посещал ежегодные обеды бывших студентов, устраиваемые в феврале по случаю университетской годовщины. А к одному из таких обедов в 1897 г. даже сочинил шуточный тост в стихах [4, с. 75–77].

Центральной темой публикуемого текста является описание обычаев, принятых в двух основных студенческих корпорациях, существовавших в Петербургском университете в 1840-е гг. – «Ruthenia» и «Baltika». В последнюю входили остзейские или петербургские немцы. Корпорация «Ruthenia (Рутения)», впервые возникла в 1823–1826 гг. в Дерптском университете и объединяла русских студентов [6]. Из Дерпта в столичный университет Российской империи пришли нравы и обычаи немецкого студенчества, где корпорации играли очень значительную роль в жизни молодых людей, учившихся в университетах. Студенческие корпорации возникли еще в средневековых университетах и объединялись по национальному или территориальному признаку на основе взаимопомощи и общности интересов. К XIX столетию участие в корпорации свелось к соблюдению различных ритуалов и обрядов, пирушкам и дуэлям. Формально университетский устав 1835 г. не допускал никаких студенческих организаций, но начальство смотрело сквозь пальцы на существование корпораций, поскольку не видело в них никакой угрозы, так как политикой они не занимались. Причем это последнее обстоятельство Алексей Бобринской подчеркивал особо, противопоставляя старые студенческие обычаи политизированной молодежи после реформенной эпохи: «насколько университетская жизнь того времени была чище и выше нашей».

В Петербургском университете корпорации возникли к середине 1830-х гг. в связи с появлением среди студентов немалого числа, особенно на юридическом факультете, аристократической молодежи, стремившейся подражать обычаям немецкого студенчества [7, с. 368–370]. Были и существенные различия: если в немецких университетах, в том

числе в Дерптском, корпорации существовали официально, и в их собраниях могли даже участвовать профессора, то в Петербургском университете, они приобретали характер, чуть ли не «тайных обществ», что делало их для студентов еще более привлекательными [7, с. 376–377]. К середине 1840-х гг. деятельность, а скорее сам факт существования корпораций, несмотря на отсутствие малейшего намека на противоправительственную пропаганду, все-таки привлекли внимание Третьего отделения, заведшего специальное дело по этому поводу. Еще ранее министру народного просвещения С.С.Уварову было направлено письмо из полицейского ведомства, в котором сообщалось, что «по розысканию, произведенному частным и осторожным образом, сделалось известно, что между студентами образовано три общества: аристократов, Балтики и Рутения. Цель оных обществ состоит в том, чтобы решать споры между студентами, назначать поединки, должностующие оканчиваться только незначительным пролитием крови, помогать нуждающимся товарищам, выручать друг друга на экзаменах, давать в известные дни пиры и на этих пирах петь студенческие песни [8, л. 1–3]. Пикантность ситуации придавал тот факт, что сын министра тоже являлся членом корпорации Рутения, о чем не преминули сообщить в полицейском отчете [9, с. 45].

Никаких конкретных мер против корпораций правительством принято не было, кроме подписки со студентов о непринадлежности к тайным обществам. Но к концу 1840-х гг., когда в атмосфере начавшегося «мрачного семилетия», стали запрещать все и вся, они распались сами из-за недовольства других студентов, не являющихся членами корпораций.

Публикуемая рукопись представляет собой тетрадь в синем мягком бумажном переплете, состоящая из нелинованных листов. Записи сделаны чернилами. Текст записан в два приема, о чем говорят изменения характера почерка и использование двух разных перьев. В начале каждой части, особенно первой, почерк четкий, аккуратный, но постепенно, по мере усталости автора, меняющийся на более беглый и менее разборчивый. В рукописи, особенно во второй ее части, фразы нередко несогласованны, пропущены заглавные буквы в начале предложений, иногда опущены знаки препинания. Исправления в

тексте редки. Они выполнялись чернилами, скорее всего, в момент написания. Несколько исправлений сделано карандашом¹. Весь небрежный характер рукописи свидетельствует, что она вряд ли предназначалась А.А. Бобринским к публикации, а скорее была текстом его доклада, о чем уже писалось выше.

Текст публикуется в окончательной редакции, выполненной А.С. Смирновым, с учетом исправлений автора, в соответствии с современными правилами правописания с сохранением стилистических особенностей подлинника. Авторские подчеркивания, в подлиннике выполненные волнистой линией, в тексте обозначены курсивом.

«Студенты 40-х годов студентам 70-х годов»

Введение

Стремление к общению, к товариществу и братству всегда было и будет великою двигательной силой в студенческом быту.

Постепенное расширение этой силы, постепенное возвышение и внутреннее развитие студентского организма, столь прочно основанном на равенстве и дружбе – представляет предмет не менее интересный, чем история внезапного его падения, неожиданного разрушения прежней общительной силы, и неудачных попыток к восстановлению ее.

Не странной, не дикой ли показалась бы нам такая среда студентов, в которой незнакомы были бы ни презрение к университету, ни политические системы, ни нигилистическая простота? Не странной ли показалась бы такая сфера, в которой студенты гордились бы своим названием, в которой человек мог бы желать образования и не распускать волос до колен, в которой студенты, сходясь на веселые пирушки хорошо знали бы, что никто не посмеет заговорить среди их языком Нечаева², не навлекая на себя общей насмешки, общего презрения и общего гнева.

Да! Прошли те дни, когда студенты стремились к «жизни легкой и свободной», когда веселость шла на равных с занятиями наукой³, когда каждый студент считал себя лишь студентом, когда глупая спесь еще не заставляла его корчить из себя ученого и презирать все права и святыне преимущества молодости... И сколько у нас теперь этих молодых стариков! Одна эта мысль, что все студенты университета должны быть веселы в часы досуга – нам кажется смешною. Пожимают плечами: «Веселиться? Как можно нам веселиться? Студенты не веселятся! Нам нужна работа! Нам нужны самостоятельные труды; развитие наших умственных способностей!»

Так судят они... и забывают, что не могут обойтись без досуга и развлечения, что смеясь над той веселою жизнью, которую обработали для нас студенты прежних времен, – они заставляют себя искать развлечения в другом, почти всегда – худшем, обратном, вредном, но признаваемым ими как достойным взрослых людей!

Субботние собрания наши⁴, основанные на древних основах равенства и дружбы, не могли еще выйти

из под этого ига, лежащего на всем университете, и среди нас еще господствуют те, которых мы выше назвали молодыми стариками и благодаря им-то субботние наши собрания, под конец прошлого года обратились в странную и скучную комедию, которую так хорошо охарактеризовал некто из нас, назвав ее игрою в Парламент.

Для этого то хочу я здесь представить Вам, господа, жизнь и организм студентов 40-х годов; быть может, благосклонно прослушав мой реферат, Вы найдете, что есть студентам возможность жить, не скучая в своей среде,... быть может, извлечете некоторую практическую пользу из тех многих учреждений, которые, к сожалению, совершенно изгладились среди нас!

Я, с моей стороны замечу только, что ни за что не захотел бы уничтожить серьезную сторону наших собраний; я дорожу ею столько же, сколько нашими песнями и пирушками... но, пересматривая быт студентов того времени не могу не пожелать нам дойти когда-нибудь хоть до слабого подражания ему, не могу не заметить насколько университетская жизнь того времени была чище и выше нашей; не могу не забыть того, рассказанного мне факта, что на последней пирушке, после выходного экзамена из университета – студенты 4-го курса, прощались с товарищами, со слезами на глазах. И в этих-то студенческих слезах выражалась вся сила, вся прочность их быта и их общения между собой!

«Как жилали в старину»

Студенты 40-х годов

Приступая к исследованию быта студентов 40-х годов я постараюсь указать на цель и результат, достигнутый студентами того времени, я хотел бы осмотреть различные главные учреждения тогдашних корпораций, войти в собрание веселых бурсаков и несмелых фуксов⁵ и посмотреть на порядок их пирушек и святыне студентам обычаи. Наконец, я окончу в коротких словах мой реферат, упоминая об отношении студентов и корпораций к правительству и университетскому начальству.

При этом я позволю себе обратить Ваше внимание на то малое время, которое мне было предоставлено на сочинение реферата и на относительную скудность моих источников. Поэтому Вы не найдете меня слишком смелым если обращаюсь заранее к Вашей снисходительности для всех тех частей, где мало разъяснена будет моя мысль, где не успел я привести большие подробности или где незаметно вскользали ошибки слога...

Студент, вступивший в университет, находил в нем устроенные корпорации с установленным порядком, заветными установлениями и свято сохраняемыми обычаями. Рассказы о бурсацкой жизни, и веселый вид студентов прельщали молодого первокурсника. Он сам загорал желанием сделаться участником этих славных пирушек... этого шумного быта. Он узнавал,

что в университете существуют две корпорации: Рутения и Балтика, что в каждой из них числилось человек 40, 50. Что обе корпорации находились в известной связи одна с другою и взаимно признавались между собою. Он видит, что учреждения обоих корпораций одинаковы, а сам он – русский – поэтому он и решается подвергнуться баллотировки в число рутенистов.

И вот ждет он собрания совета Рутении, так называемого конвента⁶. Собираются члены конвента со 2-го октября до 25 марта, избраны 3 сеньора⁷, т.е. 3 представителя Рутении. Решаются главные дела собраний; приступают к баллотировке нового студента, и первокурсник узнает, что он избран, что необходимые 2/3 голосов нашлись в его пользу. Он счастлив. Он член Рутении и имеет право на равных с другими участвовать на пиршествах и пирушках корпорации. Он избран – но ему еще далеко до полноправного бурсака. Он фукс покудова, т.е. роль его чрезвычайно маловажна. Он обязан вполне слушать и повиноваться всякому студенту во всем том, что касается общественных дел и пиров. Но все же он имеет право участвовать на них и вот как только узнал он о дне назначения коммерша⁸ т.е. торжественного пира, так он и явился на него. Студенты всех курсов, старшие (4 и 3 курсов) и младшие (2 курса), фуксы увитные (более 6 месяц. в университете) не посвященные — все это сходилось в одну комнату. Здесь были все члены корпорации, все придерживающиеся ей. Сюда приглашались и сеньоры Балтики, которую отдавали Рутении тем же в день своего коммерша. Коммерши происходили раза 3 в год. Они начинались песнями: Гуадеамус, «За столом!» и другие («Жизнь бурсака!» и «Слышу буйная я клики»)⁹ по обычаю. По окончании песен председатель – (которым избирался всегда самый старший по годам университетской жизни) становился у одного конца стола. Другие вставали полукругом вокруг него и стоя затыгивали «Отечественную песнь!»:

«Шум и клики умолкайте!»
Запевал председатель,
«Да услышат песнь мою»
Он пел и ему хором подпевали:
«Возгласим тому: «Хвала!»
Кто стоит за Русь родную
Кто готов на смерть лихую
На великие дела

Братья кубок благородный
За того мы осушили,
Кто с отвагою свободной
Чести не влачил народной
В жертву идолам земным!

Но греми над тем проклятье,
Кто унижится из нас,
Да не знает он объятья
И да глухи будут братья
На его призывный глас!»

Затем здесь председатель брал в руки эспадон¹⁰ с тремя русскими цветами (оранжевый, черный и белый) и пел:

«Меч сей братья окружите
Светел меч Руси сынов
Меч заветный вы возьмите
Им вы шапки проколите;
То обычай бурсаков»

Он прокалывал свою шапку¹¹ и передавал меч соседу. Тот пел:

«Меч, – что блещет предо мною
Неизменчивым клинком
Шапку я колю тобою.
Клятвою клянусь святою
Быть достойным бурсаком»

Он прокалывал шапку. Тогда один из сеньоров подавал ему металлический бокал, находившийся на особом столике с цветами корпорации.

«Выпей, говорил сеньор
Чашу за Россию
И за русский весь народ.

Он пил и отвечал словами:
Пью за русскую державу
За ея родную славу
И за русский весь народ»

Этим кончалось дело. Сеньор брал его фуражку¹² надевал ему ее на голову и пел:

«Твое чело теперь я покрываю
И сталью осеняю!
Да здравствуй наш брат N.N
Будь проклят кто тебе вредит,
Тебе навеки мы други,
Будь братом в нашем круге!»

Затем очередь была за следующим; тот повторял те же слова, прокалывали шапку, и так шло до последнего.

Когда все шапки были проколоты, хор провозглашал, что:

«Праздник бursы торжествует
Шапки проколов клинком
Мы вокруг тебя ликуем
И как брата поцелуем:
Будь достойным бурсаком»

Этими словами заканчивалась общественная песнь.

После этого затыгивали «За стол, за стол» [5, с. 56] и применяли слова к действию, садились, здесь уже запевавали «пусть свободны и легки». Все гордо вставали в данную и известную Вам минуту, когда песнь доходит до слов: «Вся беседа гордо встань; Бурсе нашей знаменитой: слава!»

Пирушки простые, кнейперей,¹³ отличались меньшею торжественностью. Они давались одним каким либо студентом другим, или основывались на общей складчине. Фукс приезжал на них к 7 часам вечера и с другими фуксами немедленно отправлялся на кухню. Там же находился один из студентов более опытных в этом деле, который указал молодым

людям, как налить красное вино в кастрюли, как и сколько положить туда сахара, корицы, гвоздики и т.п., как греть все это до вскипания, и как, наконец, нести все это на деревянный, ненакрытый стол в той комнате, где собрались остальные студенты и как разливать готовый глю-вейн¹⁴ в стаканы.

Шум и гвалт приветствовали появление фуксов. Студенты окружали их, расположась вокруг стола и глю-вейна. Сеньора посреди них не было в этот день и, по обычаю, председателем собрания стал самый старший из находящихся там, по годам пребывания в университете. Заговорив о сеньорах скажем, кстати, что их избиралось трое из студентов 3-х высших курсов. На лето с 26 Марта избирался один летний сеньор, но летом ему решительно ничего делать не приходилось. Из 3-х сеньоров зимних (с 2 октября до 26 Марта) один был старшим, другой – кассиром, третий – начальником фуксов (fuchs Aldermann). Он следил за нравственностью фуксов и побуждал их к работе. Такой фукс-aldermann мог быть избираем из просвещенных фуксов т.е. имеющих за собой более 6-ти месяцев университетской жизни. Отличительный знак сеньора была ленточка с цветами корпорации на груди. Сеньор становился председателем всякого заседания, при котором они присутствовали. Но, как мы уже сказали, в таких собраниях, где их не было, председателем становился de jure самый старый из бурсаков (эту должность не могли исполнять фуксы). «Silentium»¹⁵ говорил он, ударяя эспадоном по столу, «Ad Loca»!¹⁶ Все умолкали и садились за стол без сюртуков и в фуражках. Перед каждым дымились полные стаканы глю-вейна, фуксы по временам набивали бурсакам трубки. «За стол, за стол!» начинал председатель

«Наполните бокалы /стаканы/
И будем пить и все напьемся пьяны!
Вот счастье вот оно!»

Хор дружно повторял последние слова. При конце этой песни председатель обращался собранием с обычным приветствием: «Schmollu» и собрание отвечало ему заветным словом «Fiduu»¹⁷. После чего полная свобода под надзором председателя.

Поется одна песнь, поется другая; затягивается круговая и каждый обязан по очереди называть песнь, которую будет петь за ним все собрание. Фукс наш знает на беду только одну песнь; это: «Пусть свободны и легки» [5, с. 22] – он что-то помнит, что ее уже пели, да уж так и быть!... Дошла очередь до него и он затягивает первые ноты. «Пусть свободны...» Но его прерывает смех и шум. Оказывается, что эту песнь уже пропели и, назвав ее снова, фукс провинился. Он должен был встать, снять фуражку и перед ним поставили стакан с вином, который он и должен был осушить при звуках песни:

«Ты фукс, пело собрание,
Ты фукс ужасно провалился!
Скажи нам и как ты фукс
Науке нашей-то учился.

Пей же фукс, пей!
Лучше дело разумей

Пей ты все, все до дна
Напьешься, та твоя беда
Пей же фукс пей!

Фукс выпил все!
Фукс выпил все
Оставимте же его
В нем видно бурсака».

Когда провинился бурсак, а не фукс, то пели другую короткую песню, и тот пил сидя и не снимая фуражки.

После первой круговой затягивали вторую:
«Наливай бокалы все полней
Вокруг тебя мы встанем
И в честь красавицы твоей
Да здравствуйте! Мы грянем
Как брат красу твою зовут?»

Марией, отвечает студент.
Да здравствует Мария
Да здравствует она» -
повторял хор.

Но оказалось, что имя Мария повторилось в устах другого бурсака. Тогда круговая останавливалась и первый назвавший Марию студент 4-го курса отправлял товарища объявить 2 – курснику повторившему название его красы. Что он ученый! Gelehrter.¹⁸ Тогда оба выбирали себе секундентов и фуксов. Выбирался и посредник, который следил за делом. Фуксы подносили подсвечники и становились позади обоих. Студентам подавался стакан вина и посредник командовал: «приложились...» стаканы застучали один о другой. Но здесь заметив, что у студента 4-го курса меньше вина в стакане, чем у его противника, посредник принялся уравнивать количество вина. Для этого он выпивал то из одного стакана то у другого и когда уравнивал, то оказалось, что посредник почти все сам выпил. С неполными стаканами студенты опять приложились и при слове: «ех!» выпивали вино. Студент 2-го курса выпил скорее, и, казалось, победил другого, но, к сожалению, у него потекло вино по губам; а это, по тогдашнему, считалось «аншлюсом», кровавым ударом; а получивший его считался разбитым. Другие же все запели снова: «Да здравствует Мария» в честь 4-курсника победителя.

Под конец кнейпейрейя пели: «Я царь весельчаков». Ставили стул на стол; фуксы освещали всю сцену, и сидя на этом троне студент начинал:

«Друзья я царь весельчаков
Служите ж мне вместо рабов
Я властвую над Вами!»

Хор объявлял ему на это:
«Мы к Вашей милости пришли
И чтоб ей царски угодить
Вина всех стран мы принесли
И все до дна должны вы пить!»

Царь притворялся, что пьет, и передает царство другому. Когда все по очереди процарствовали, то последний царь провозглашал:

«На что же мне высокий трон?
Бурсацкая корона?
Мой дядя черт пусть будет он –
Наследником престола!»

С воцарением дяди черта, кончалась пирушка. Это происходило около полуночи. Не лишним было бы заметить, что фуксы после всех этих эпизодов и многократных брудершафтов, которые только старшие могли предлагать младшим, не смеявшим отказывать – фуксы оставили собрание в чрезвычайно веселом и пьяном виде! Но что делать! Таков уж сложился обычай. Первые шаги везде и во всем трудны.

Но не прошло месяца или двух, как уже фукс успел попривыкнуть к быту бурсаков и научиться их песням и обычаям. Одно лишь он ставил без внимания, это занятие фехтованием и как раз пришлось поплатиться.

«Фукс, который час», – нахально обратился к нему студент сидевший рядом с ним в шинельной. «Половина третьего», – ответил фукс, взглянув на часы. «Неправда», – ответил тот, встал и отошел.

Фукс весь вспыхнул. Эти слова, сказанные при других, казались ему прямой обидой. Он подождал конца лекции и затем, отыскав одного из сеньоров, просил его по обычаю узнать, в каком смысле сказаны были слова: «неправда!» и есть ли здесь со стороны обидчика намерение его обидеть. По некоторому времени сеньор принес ответ того студента: «Понимайте слова мои как хотите!». За это он подвергся выговору Рутении, не смотря на то, что сам был сеньором. Бретерство¹⁹ строго запрещалось. Это еще более убедило фукса в намеренности оскорбления и, хотя обидевший его студент был сам одним из сеньоров Рутении, все же фукс решил вызвать его на дуэль.

Так как обидчик был членом его корпорации, то фукс ему обидного слова не сказал. «Дурака» посылали только не принадлежащему корпорации, а между собой этого не говорилось²⁰. В данном же случае фукс обратился к знакомому ему студенту и просил его быть секундантом. Тот охотно согласился и немедленно отправился искать обидчика, которого нашел у себя на квартире в обществе двух других студентов. Тогда секундант фукса изложил цель своего приезда и вызвал сеньора на дуэль. Тот обратился к одному из находящихся с ним студентов, прося его быть секундантом с его стороны. После этого оба секунданта выбрали себе по фуксу, и, отошедши в сторону, избрали посредника для дуэли и здесь же решили, что дуэль не может состояться тот час же, так как вызвавший дуэль фукс в фехтовальном искусстве весьма слаб и ему необходимо поучиться до дня дуэли. Секундант обидчика охотно согласился на это и оба разъехались по домам.

По совету своего секунданта фукс наш каждый день проводил у него час, а иногда и два обучаясь фехтованию, так что к намеченному сроку он умел все же держать эспадон и более или менее защищаться. Заметим кстати, что учителей для фехтования у студентов не было. Это дело было знакомо им лучше всех учителей. При каждой корпорации состояло *fecht-bode*,²¹ особая наемная квартира, служившая по вечерам для сборов и пирушек. Кроме того, эти фехтовальные залы могли быть у каждого желающего. Этим делом заведывал 3-й сеньор, о котором выше говорено – начальник фуксов. Он хранил эспадоны, маски, перчатки и другие фехтовальные аппараты. Он заведывал обучением фуксов этому делу. И надо отдать студентам справедливость в том, что фехтуя, доходили до большого совершенства.

Наступил, наконец, назначенный день для дуэли. Условились о квартире и секундант вызванного сеньора позаботился о привозе 2 эспадонов острых и 2 тупых для секундантов. Он их приобрел помощью избранного им себе фукса, которому поручил купить и выбрать 2 новых клинка. Здесь были всякие тонкости насчет остроты. Конец не должен был заостренным для избежания ударов прямым;²² и т.п. Фукс привозил клинки и для большей предосторожности привозил их в известных готовых чехлах.

Секундант же нашего молодого человека, вызвавшего сеньора, позаботился об устройстве паук-аппарата,²³ т.е. необходимых принадлежностей дуэли. Так как в Рутении паук-аппарата на время не оказалось (многие части его отданы были на несколько дней на починку мастеру), то секундант наш послал своего избранного фукса просить у сеньора Балтийской корпорации одолжить им недостающие вещи. Тот весьма охотно прислал все, что требовалось, и ко дню дуэли были готовы большая защита для ног и живота, застегиваемая сзади ремнями, из мягкой кожи и набитых волосами; бинта или полосы весьма широкие; перчатки большие и такие же бинты и перчатки для секундантов. Каждому прибавьте большие черные боевые галстуки, для защиты шеи, и кожаные каски с наушниками, украшенная большой звездой – и вы будете иметь приблизительно верное понятие об аппаратах при дуэлях.

Когда все собрались, бойцов вывели в разные комнаты и там одновременно им расстегнули спереди рубашки; грудь оставалась голая... под перчатку доктор (приехавший с посредником) перевязал руку для сохранения артерии у пульса. Иногда подвязывали себе и под мышкой – но редко.

Когда бойцы были готовы – все сходились снова. Секунданты брали эспадоны и измеряли место для боя. Это делалось со многими мелкими подробностями с отмечиванием места мелом. Это называлось *mensura*²⁴. За *mensur*-у, установленную границу, уже отступать не следовало. Выводили бойцов и фуксы поддерживали их под руку. Секунданты и бойцы были в рубашках, держа эспадоны в руке. Сзади стояли посредник и доктор, следя за делом. Наступала минута тяжелого молчания. Бой начинался. «Становись» –

говорил один из секундентов и с бойцов снимались фуражки и брались секундантами себе под бинт. На бойцов надевали каски. «Становись!» – фуксы все держали бойцов под руку... дабы руки их не устали держа эспадоны. «Скрестись», говорил секундонт вызвавшего. Секундонт вызываемого объявлял: «такой-то бьет первый!» Затем еще секунда, раздается команда: «бей!» и все отступили. Секунданта стояли опуская клинки. Они не смели мешать бою... и началась битва. При этом требовалось, чтобы первый удар был бы прямым, а затем позволялись обман и хитрости.

Как скоро один из бойцов тронут, кричали: «стой!» и разнимали оружие... Секунданта говорили где удар и засчитывали мелом. Дуэль прекращали у немцев (Baltica) после 7 ударов каких бы то ни было. У рутенистов требовалось также 7 ударов, но 1 из них должен был быть кровавым. При первой крови дуэль прекращалась. 3 кровавых удара в обеих корпорациях заканчивали дуэль. Туше-аншюсс²⁵ клал конец дуэли. Это были удары в 1½ вершка длинны и палец глубины с перерублением мускула; тоже всякий удар по лицу.

По окончании дуэли снимались каски, сходились на менсуре (граница), руки сжимались и поцелуй обращал прежних врагов – в друзей. Впоследствии установлена была для избежания многоточия крови биться только на solingen-ских клинках²⁶. Из числа дуэлей исключалась дуэль за слово «подлец» или за «пощечину». Получившие таковую должны были биться на пистолетах и предварительно оставив корпорацию и университет.

Корпорация до того была сильна, что могла заставить студента покинуть университет. Стоило только обвинить его и поставить его под фершюс.²⁷

Это могло произойти только по рассмотрению конвента за нечестное совершенное им дело. Никто не имел права ни кланяться ему, ни говорить с ним, ни протянуть ему руки, и это до того действовало, что студенты под фершюссом или оставляли университет или решались на все, чтобы искупить совершенное бесчестие, если еще можно было искупить его. Так, например, был студент, пробывший два года под фершюссом за то, что отказался биться на дуэли. По истечению 2-х лет, проведенных им в самом несчастном и скучном положении, он за месяц до выпускного экзамена решился освободиться от фершюсса. Вызвал кого следовало на дуэль и после трех последовательных дуэлей вышел из университета кандидатом, приобрел за собой потерянные права.

Теперь, что касается отношения этих корпораций к правительству, то надо заметить что они были запрещены de jure и потому многие молодые люди только придерживались корпорации, но de facto правительство знало о их существовании; заметно было, что попечитель, когда нужно было иметь сношения с студентами, обращался преимущественно к сеньорам корпорации. Не видя в них никакого вреда, правительство смотрело на все сквозь пальцы. Однако раз принуждены были закрыть корпорацию на время, и был случай, что полиция нагрянула в коммерш уже

вовсе нежелательным гостем. Запретили эспадон и фуражки, запретом наделали страшный шум – но все же, ничего из этого не вышло.

Насколько признавались эти корпорации между самими бунтарями, видно из следующего рассказа. Образовалось немецкое общество студентов под названием *Mässigkeitzverein*²⁸, общество трезвости; хотя и пили очень крепко и много. Образование этой корпорации не было признано ни Рутенией, ни Балтикой, так как у них не было испрошено согласия на образование *Mässigkeitzverein*-а. Поэтому в день, назначенный для коммерша Балтики, приглашены были рутенистские сеньоры, а сеньоров мессигкейт-а не пригласили. После этого сеньор Мессигкейт вызвал сеньора Балтики и произошла дуэль. 25-го марта, в день русского коммерша, произошла та же история. Приглашены одни сеньоры Балтики. На следующий день каждый из трех сеньоров Мессигкейт-а вызывает на дуэль каждого из трех сеньоров Рутении и оказалось, что будут состояться 9 дуэлей. Тогда студенты старые, (4 курса) собрались и решили, что это наделает слишком много шума и скандала, но и может навести полицию, лучше ограничить дело 3-мя дуэлями по жребию. Наши три сеньора Беклешев²⁹, Тучков³⁰ и Мордвинов³¹ должны были биться первый Беклешев с Гротом³², Тучков с Зевтигеном³³; Мордвинов с Шнейдером³⁴. Эмоция была громадная, тем более, что наши 3 сеньора были молодые студенты, а сеньоры Мессигкейт-а – старые, из которых Шнейдер славился большим искусством и чрезвычайным бретерством. Назначили день и место – на даче в Лесном корпусе. Русские сеньоры взяли в себе в секунданта лучших бойцов, да и в публику таковых пригласили. Чтоб в случае, что дело пойдет плохо, спасти честь Рутении. Съехались. Купили мы новые клинки с золотыми украшениями, так как простых в продаже не было, а старые в продолжение зимы успели отупеть и испортиться. Первая дуэль Беклешова с Гротом кончилась раной Грота. Грот ушел в другую комнату и уже не выходил оттуда. Брат его³⁵ вышел со словами «Eduard fon Grot hat satisfaction». На это Уваров³⁶, секундонт Беклешова, заметил, что вряд ли это правильно. Если Грот не может биться, то пусть выйдет и докажет это. Брат Грота возразил, что если кто сомневается в том, что он сказал, то будет иметь дело с ним! За что Уваров его и вызвал. После этого началась вторая дуэль между Зевтингеном и нашим Тучковым. Она кончилась тем, что на толстом носу Тучкова появилась кровавая черта, и после этой раны дуэль была прекращена. 3-я дуэль – Шнейдер, бретер, как мы уже сказали и геркулес ростом и здоровьем. Он уже считал 10 поединков за собою. Мордвинов, выступивший против него, сумел нанести ему один за другим 5 ударов... и только 6 и 7 ударов получил Мордвинов по перчатке.

Так кончилась дуэль, обе стороны разошлись довольными одна другой. Но у наших осталось убеждение в успехе этого дня. А на следующий день Мессигкейт-а известил сеньоров Балтики и Рутении о переставании своего существования.

Также плачевно кончилась и Polonia³⁷, которой не могла допустить русская бурса, опасаясь политического направления. Едва просуществовав, Polonia подверглась фершихсу и пала и должна была уничтожиться.

Этим заканчивается этот краткий очерк прежней студенческой жизни, который я постарался обрисовать, насколько хватило сил – верно и беспристрастно. Вам же, слушателям моим, оставляю право произнести приговор, решить преимущества старого быта, сравнить то время с настоящей университетской жизнью. Вам предстоит, наконец, извлечь из этого все-то, что может быть применимо к нашим и отбросить остальное. Я хорошо знаю, что не всякому понравятся те формальности, которые

приложены и необходимы известным учреждениям. Часто в формальностях видны лишения свободы... и предпочитают крик и гвалт правильному пению. Есть люди, которые найдут лишним учреждение фуксов и повторят все ту же фразу, что будемте все равны!

А в этих-то формальностях и коренится основа порядка и избежание шума и бестолковщины. Может быть, передумав все это и решив, что это не приемлемо, что 100 человек не составляет университета, но не забудьте, что и тогда же всего 100 или 150 человек припомнив всю силу их... припомнив, что до сих пор прежние студенты удержали один к другому чувство дружбы и полного равенства, что еще теперь любят вспоминать прежнее студенческое время и предавать своим воспоминания новому поколению!

Примечания

¹ Археографическое описание рукописи было выполнено А.С. Смирновым.

² С.Г. Нечаев (1847–1882) – русский революционер, сторонник террора. Громкую огласку получило организованное им убийство студента И. Иванова. Появился термин «нечаевщина» – радикальное революционное движение, оправдывающее достижением цели любым способом.

³ Весьма показательной является запись в альбоме Александра Алексеевича Бобринского, хранящегося в Литературном музее Института русской литературы РАН: «6 января 1841 поступил в университет. 19 января 1842 поединок с Астраловым. 8 сентября 1842 Фукс кнейперей по Беклешеву. 3 октября 1842, 25 марта 1843, 3 сентября 1843, 25 марта 1844, 3 октября 1844, 25 марта 1845 коммерши Рутении. 10 июня 1844 прощальный кнейперей. 10 июня 1845 наш прощальный кнейперей» [16, л. 53]. Вот так прошла вся студенческая жизнь графа, об учебе, экзаменах и проч. нет ни слова!

⁴ Имеются ввиду заседания литературного кружка «Галерное собрание» (см. выше).

⁵ Бурсаками или буршами в корпорациях именовались студенты старших курсов. Фуксами (от немецкого fuchs – лиса) называли первокурсников, которые должны были подчиняться студентам старших курсов и выполнять их приказы, связанные с делами корпорации (наливать вино, набивать трубки и т. п.). По делам не связанным с жизнью корпорации бурши не имели права использовать фуксов.

⁶ Конвент – общее собрание, сходка членов корпорации.

⁷ Сеньоры – избираемые Конвентом руководители корпорации.

⁸ Коммерши – большие праздники, в которых обязательно участвовали все члены корпорации.

⁹ Эти песни представлены в сборнике Александра Алексеевича Бобринского [5, с. 2, 4, 28].

¹⁰ Эспадон (эспадрон) – шлага, легкий меч с прямым клинком колюще-режущего типа.

¹¹ Количество проколов на корпоративной фуражке означало количество коммершей, в которых участвовал студент. Об этом см. [10, с. 787].

¹² И.Д. Белов вспоминал, что кор-бурши и кор-фуксы по решению конвента могли носить специальные оранжевые фуражки с белым околышком и черным крестом. Эти фуражки были тайными и одевались только на собраниях корпорации или носились под чехлом обычной студенческой фуражки. Остальные члены корпорации носили обычные студенческие фуражки [10, с. 786–787]. В альбоме Александра Алексеевича Бобринского, есть рисунок «Цвета корпорации Рутения», изображающий такую фуражку красного цвета с крестом.

¹³ Кнейпы (от немецкого Kneiperei) – небольшие вечеринки отдельных членов корпорации с трубками и вином. (Рис. 7.).

¹⁴ Глинтвейн, жженка были излюбленными напитками русских студентов на их пирушках.

¹⁵ Silentium (лат.) – тихо, безмолвие, молчание.

¹⁶ Ad Loca (лат.) – По местам!

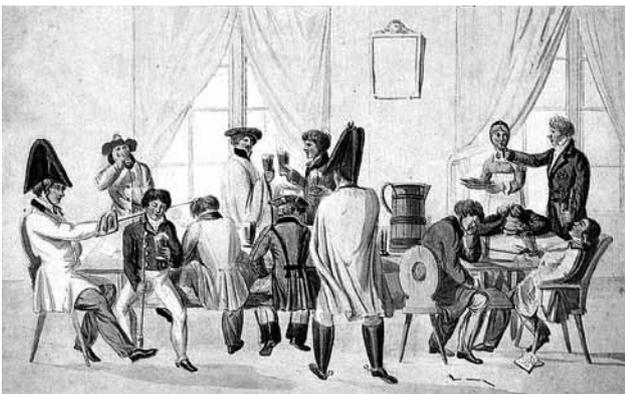

Рис. 7. Студенческий кнейп (пирушка)

Рис. 8. Г. Мюльберг. Студенческая дуэль. 1900 г.

¹⁷ Выражение «Schmollis» (варианты: Smollis, Schmolles) означало в немецкой студенческой среде предложение выпить на брудершафт. Ответом на этот призыв и, соответственно, согласием, было выражение «Fiducit» (Fiduzit), сокращение от латинского «fiducia sit!», что в данном случае означало «да будет так».

¹⁸ Gelehrt (нем.) – ученый, образованный.

¹⁹ Бретер (от французского brette – шпага) – заядлый дуэлянт, готовый драться на дуэли по самому ничтожному поводу и сам ее провоцирующий. Бретерство также означало вызывающее поведение. Тем не менее, дуэли были существенной частью жизни студенческой корпорации.

²⁰ И.Д. Белов вспоминал иначе, что именно назвать товарища «дураком», даже по неосторожности и означало вызов на дуэль [10, с. 794, 797].

²¹ Fechtboden (нем.) – фехтовальная площадка, зал для фехтования.

²² Согласно правилам студенческих дуэлей, эспадроном не дозволялось колоть, поскольку так можно было нанести очень серьезную рану, вплоть до смертельной, чего избегали. Разрешалось наносить только рубящие удары.

²³ Паук-аппарат (от немецкого rauken – фехтовать). Так А. Бобринской называет защитную амуницию, обязательно используемую при студенческих дуэлях. (Рис. 8).

²⁴ Mensura (лат.) – измерение, мера. В студенческих дуэлях означала черту далее которой отступить нельзя. См. [10, с. 793].

²⁵ Touché en schuss (фр.) – внезапный или стремительный удар, нанесенный в соответствии с правилами.

²⁶ Золинген (нем. Solingen) – город в окрестностях Дюссельдорфа, знаменитый производством колюще-режущих предметов из высококачественной стали.

²⁷ Фершюсс (от немецкого Verschiss) – бойкот. Провинившийся или серьезно нарушивший устав корпорации студент подвергался суду чести (Ehrengericht), который мог приговорить его к бойкоту, а в исключительных случаях и требовать, что бы он покинул университет.

²⁸ Mässigkeitzverein (нем.) – общество трезвости.

²⁹ В «Списке студентам и вольным слушателям, окончившим в С.-Петербургском университете полный курс наук со степенью кандидата или со званием действительного студента», приложенном к монографии В.В. Григорьева, фамилии Беклешев отсутствует [11, с. LXXX – LXXXVIII]. Беклешевы – старинный псковский дворянский род. Возможно, Петр Платонович Беклешев (1824–1883) впоследствии почетный мировой судья Псковского уезда или Павел Алексеевич Беклешев (1823–?) сын лейтенанта 19-го флотского экипажа Алексея Николаевича Беклешева [12].

³⁰ Тучков Александр Павлович (1825–1900), действительный статский советник, однокашник Александра и Владимира Бобрински, окончивший вместе с ними юридический факультет в 1845 г. Долгие годы состоял в переписке с Александром Алексеевичем Бобринским, совместно с которым вплоть до 1890-х гг. участвовал в званных обедах бывших студентов университета. Переписывался и с Алексеем Александровичем Бобринским, который мог и от него получить некоторые сведения для своего реферата [13].

³¹ Мордвинов Семен Александрович (1825–1900), впоследствии сенатор и член Государственного совета, также окончивший юридический факультет в 1845 г.

³² В это время в университете было два брата: Гроте Федор – окончил в 1844 г. юридический факультет со степенью кандидата и Гроте Эдуард – окончил в 1845 г. разряд естественных наук философского факультета со званием действительного студента [11, с. LXXXII, LXXXIII].

³³ Зеатинген Федор – окончил в 1846 г. юридический факультет со званием действительного студента [11, с. LXXXV].

³⁴ Такой фамилии в списке окончивших Санкт-Петербургский университет в 1840-х годах не оказалось.

³⁵ См. сноску 30.

³⁶ Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884), сын министра народного просвещения в 1833–1849 гг. С.С. Уварова, впоследствии известный археолог, создатель и председатель Московского археологического общества. Окончил историко-филологический факультет в 1845 г.

³⁷ После поражения польского восстания 1830 г. и вследствие этого закрытия университетов в Варшаве и Вильно появилось большое число польских студентов в Петербургском университете. Вместе с уроженцами западных губерний они составили землячество, насчитывающее к концу 1830-х гг. до ста человек. Все польские кружки и объединения в университете имели ярко выраженный национально-освободительный и демократический характер [14, с. 118, 122–123]. О польских студентах в Петербургском университете см. [15].

Литература и источники

- Верхнедонской археологический сборник / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2015. Вып. 7. С. 10–17.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 899. Оп. 1. Д. 37.
- Самойлов А.А. [Бобринской А.А.] Филарет Никитич. Историческая драма в 5-ти действиях. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1913. 267 с.
- Тихонов И.Л. Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог. Граф А.А. Бобринской // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. Т. 1. С. 72–88.
- Студенческие песни: для хора: №№ 1–37 / собранные Гр. А.Б. М.: П. Юргенсон, [б. г.]. 61 с.
- Рудик И. Из истории дерптской корпорации Ruthenia // Pandia. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/80/173/5740.php> (дата обращения: 22.08.2017).
- [Чумиков А.А.] Студенческие корпорации в Санкт-Петербургском университете в 1830–1840-х гг. Из воспоминаний бывшего студента // Русская старина. 1881. Т. XXX. С. 367–380.
- РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 175.
- Мельгунов С.П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М.: Издание журнала «Правда», 1904. 71 с.
- Белов И.Д. Университет и корпорация (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 4. С. 779–804.
- Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1870. 679 с.
- Яковлева И.М. Беклешовы // Ирина Михайловна Яковлева. Капризы памяти. [Электронный ресурс]. URL: <http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija/zametki-o-predkah/bekleshovy> (дата обращения: 23.08.2017).
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1412. Оп. 5. Д. 315; Оп. 3. Д. 1879.
- Слотвинский В. Польские студенты в Петербургском университете в 30–40-х годах XIX в. // Петербургский университет и революционное движение в России / отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 117–123.

15. Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. Студенты-поляки в Петербургском университете в 1830–1860-х гг.: Опыт воспитания новой элиты // *Nauka w Polsce i Rosji — miejsca wspolne, miejsca rozne* (obszar humanistyki). Seria «Studia Rossica», tom XXIII / red. Magdalena Dabrowska. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersitetu Warszawskiego, 2016. S. 65–73.

16. Альбом А. Бобринского // Институт русской литературы РАН. Литературный музей. №. 6159.

References

1. *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik* [Verkhnedonskoy archaeological collection]. Lipetsk, LGPU Publ., 2015, no. 7, pp. 10–17.
2. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], f. 899, op. 1, d. 37.
3. Samoilov A.A. [Bobrinskoi A.A.] *Filaret Nikitich. Istoricheskaya drama v 5-ti deistviyakh* [Filaret Nikitich. Historical drama in five acts]. St. Petersburg, Tip. P.P. Soikin Publ., 1913, 267 p.
4. Tikhonov I.L. *Predvoditel' dvoryanstva, senator, deputat, ministr, arkheolog. Graf A.A. Bobrinskoi* [Leader of the nobility, senator, deputy, minister, archaeologist. Count A.A. Bobrinskoi]. *Znamenitye universanty. Ocherki o pitomtsakh Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Famous universitarians. Essays on the graduates of St. Petersburg University]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2002, vol. 1, pp. 72–88.
5. *Studencheskie pesni: dlya khora: №№ 1–37* [Student songs: for the choir: №№ 1–37]. Collected by Gr. A.B. Moscow, P. Yurgenson Publ., undated, 61 p.
6. *Izistorii derptskoi korporatsii Ruthenia* [From the history of Derptcorporation Ruthenia]. Available at: <http://pandia.ru/text/80/173/5740.php> (accessed 22 august 2017).
7. [Chumikov A.A.] *Studencheskie korporatsii v Sankt-Peterburgskom universitete v 1830–1840-kh gg. Iz vospominanii byvshego studenta* [Student corporations in the St. Petersburg University in the 1830–1840s. From the memories of a former student]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1881, vol. XXX, pp. 367–380.
8. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], f. 735, op. 10, d. 175.
9. Mel'gunov S.P. *Izistorii studencheskikh obshchestv v russkikh universitetakh* [From the history of student societies in Russian universities]. Moscow, the Magazine «Pravda» Publ., 1904, 71 p.
10. Belov I.D. *Universitet i korporatsiya (Otryvok iz vospominanii)* [University and Corporation (An excerpt from memories)]. *Istoricheskii vestnik* [Historical Herald], 1880, vol. 1, no. 4, pp. 779–804.
11. Grigor'ev V.V. *Imperatorskii S.-Peterburgskii universitet v techenie pervykh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya* [Imperial St. Petersburg University during the first fifty years of its existence]. St. Petersburg, Bezobrasov and C° Publ., 1870, 679 p.
12. *Bekleshovy* [Bekleshovs]. Available at: <http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija/zametki-o-predkah/bekleshovy/> (accessed 23 august 2017).
13. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Documents], f. 1412, op. 5, d. 315; op. 3, d. 1879.
14. Slotvin'skii V. *Pol'skie studenty v Peterburgskom universitete v 30–40-kh godakh XIX v.* [Polish students at St. Petersburg University in the 30–40s of the 19th century]. *Peterburgskii universitet i revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii* [St. Petersburg University and the revolutionary movement in Russia]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1979, pp. 117–123.
15. Zhukovskaya T.N., Kalinina E.A. *Studenty-polyaki v Peterburgskom universitete v 1830–1860-kh gg: opyt vospitaniya novoi elity* [Polish students at St. Petersburg University in the 1830–1860s: the experience of educating the new elite]. *Nauka w Polsce i Rosji – miejsca wspolne, miejsca rozne (obszar humanistyki)* [Science in Poland and Russia – common places, different places (humanities area)]. Warszawa, Instytut Rusycystyki Uniwersitetu Warszawskiego Publ., 2016, vol. XXIII, pp. 65–73.
16. Album of A. Bobrinsky. Institute of Russian literature. Literary Museum, no. 6159.